

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ ЛАЙОША МОЧАРИ

ЭДЕ ТОТ

Лайоша Мочари принято называть защитником прав национальностей, „белой вороной“. Однако, если ознакомиться с творческим наследием Мочари, то становится очевидным, что его мало назвать только борцом за права национальностей; борьба, которую он вел, мировоззрение и общественные проблемы, выдвинутые им, несомненно более широкого масштаба¹.

Политические выступления по национальному вопросу были часто вызваны необходимостью и составляют меньшую часть политической и публицистической деятельности Мочари. Представление, сложившееся о политике в области национальных проблем, хотя и освещает существенную сторону деятельности Лайоша Мочари, но вместе с тем не охватывает того ее важнейшего аспекта, тех главнейших проблем, которые не менее значительны, чем роль его в вопросе о национальностях и часто являются решающими при выяснении и этой стороны его деятельности².

„Вопрос о национальностях“ не являлся центральным в мировоззрении Мочари, и сам Мочари никогда не считал себя политиком в этой области. Мочари был сыном исторически сложившейся многонациональной Венгрии и патриотом, исполненным беспокойства за будущее своей страны. И в этом смысле он был сторонником развития отдельных народностей, населявших страну, в общем национально-буржуазном развитии Венгрии. Вместе с тем Мочари был буржуазным националистом, который во всех отношениях первостепенным считал национально-буржуазное развитие венгерского народа. В этом плане его воззрения отражали исключительно венгерскую точку зрения. Лайош Мочари стремился раскрыть место, роль и будущее венгерской нации и хотел утвердить их в наиболее благоприятных условиях капиталистического развития. Таким образом, не исходные моменты воззрений Мочари утвердили его славу и известность, а те пути и средства, которые обеспечивали Венгрии ее будущее, как он его мыслил. По основным проблемам перспектив будущего развития венгерской нации Мочари расходился с общепринятыми в то время

взглядами³. Он исходил из того, что венгерская нация лишь одна из малых национальностей Восточной Европы, что она существует и развивается в пестром соседстве других национальностей, потому интересы и стремления их тождественны — независимость, взаимное уважение прав и интересов народов, устранение внутренних и внешних препятствий для капиталистического развития⁴.

Внешней преградой „свободному капиталистическому развитию” являлась политика равновесия, проводимая великим европейскими державами, которая препятствуя стремлениям народов, принуждала их к соглашательству и заискиванию перед могущественными государствами. Мочари в этом смысле очень верно почувствовал колонизаторские устремления великих держав, на которых и строилось их мировое господство. Однако, великодержавную систему равновесия после буржуазных революций, Мочари считает не закономерным следствием развития капитализма, а династической жадностью власти, которая осталась от феодализма, поскольку народам не удалось ее преодолеть, точнее не удалось помешать ее их возрождению, вследствие поражения буржуазных революций. Мочари считает это явление остатками феодализма в новом капиталистическом обществе, мешающими дальнейшему развитию. Мочари выступает против нарушения и экспроприации прав буржуазной свободы, равенства и братства, так как он считает, эти права актуальными для всего человечества, неотъемлемыми правами любого человека, народа и нации. Таким образом, национализм Мочарии определяется прежде всего противопоставлением интересов народов капиталистическим державам. Он полагает, что интересы народов не противостоят друг другу, это противопоставление вступает в силу между народами и державами, так как последние экспроприируют права народов. Мочари видит не только непримиримые противоречия между метрополиями и угнетаемыми ими народами и нациями, но и между метрополией и правящими кругами данного народа. Он подчеркивает, что жажда власти, стремление поработить другие народы чужды всякому народу и нации. Это во все времена дело рук реакционных политических сил⁵.

Вторым краеугольным камнем мировоззрения Мочари является принцип равноправия, основанного на взаимном уважении. Исходя из этого принципа, он в отличие от своих современников, которые связывали интересы венгерской нации с великодержавными стремлениями Габсбургов иначе оценивает положение венгерского народа. Разумеется, мысль о равноправии, строящемся на взаимном уважении, оанюдь не остается без изменений в системе его взглядов до конца жизни.

Венгерский буржуазный националист, Мочари, историческое владение Венгрии считал несправедливым и весьма опасным в плане капиталистического развития. При этом, однако, Мочари исторической Венгрией не считал исключительно территорию венгерской национальности, но территорией многонациональной, в пределах которой

венгры имеют лишь относительное большинство. Он поспешил признать, что эта территория в качестве венгерского политического государственного объединения может существовать лишь до тех пор, пока оно защищает живущие на этой территории народы и национальности от великодержавных стремлений; пока оно обеспечивает всему населению, независимо от национальной принадлежности, не только равные права, но в состоянии создать условия для развития национальных культур и высокий уровень благосостояния⁶. Л. Мочари считался с возможностью и в дальнейшем наличия исторических условий гегемонии венгров, но отмечал, что гарантию этой гегемонии следует искать не в исторических интересах и привилегиях. Венгерские политические правящие круги в своих расчетах с феодализмом сохранили за собой ведущую роль ценой добровольного отказа от своих привилегий; так, теперь, гарантируя равноправие народам, своим положительным примером и идя навстречу исторически неизбежно возникающим требованиям времени, они стремятся завоевать уважение различных народов, проживающих в Венгрии и граждан своей собственной нации⁷.

Основные принципы мировоззрения Мочари в каждый данный исторический момент играли роль хотя и либерального в своей основе, но демократического по существу ориентира. После победы буржуазной революции политические убеждения Мочари состояли в утверждении необходимости победы капиталистического строя, который в тот исторический момент в Венгрии представлялся единственным возможным путем прогресса. Следовательно, Мочари выступил защитником общих принципов капиталистического общественного устройства, но защитником отнюдь не той государственной формы, которую приняло буржуазное общество в Венгрии после революции, а затем после компромисса. В этом отношении Мочари не был в противоречии с тенденцией прогресса, наоборот, он был провозвестником дальнейшего развития.⁸

Изучение системы взглядов Л. Мочари представляет интерес как для венгерской, так и для всеобщей истории, несмотря на то, что речь идет не о ключевых проблемах развития капитализма в центральной Европе, а, как представляется внешне, о проблемах периферийных территорий.

Принимая во внимание закономерности капиталистического и социалистического развития так называемые, типические проблемы развития центров, которым Маркс и Энгельс отдавали предпочтение в аспекте обрисовки пути развития истории, отнюдь не являются исключительными; и современное историческое развитие переместило эти центры на другие территории. С точки зрения всемирной истории общества на основании процесса развития за прошедшее столетие мы можем назвать существенным и типическими закономерности развития колониальных, полуколониальных и угнетенных народов зависимых стран. Со второй половины XIX столетия становится все более очевидным, что путь развития этих народов

явится третьим, наиболее определяющим фактором современной эпохи. Территории, представляющие собой переходный тип, как, например, Венгрия, быстрее всего прошли путь развития от феодализма к социализму. Опыт, который мыслители народов Восточной Европы, обобщили на различных этапах развития в борьбе за освобождение угнетенных народов от зависимости, во многом является поучительным и в настоящее время. Ведь и теперь еще немало народов, которые живут на территории, принадлежащей державе, но имеют внутреннее самоуправление; в то время как на автономной территории живут бесправные народы, национальные меньшинства. Следовательно угнетенный и господствующий в одно и то же время.

Лайош Мочари принадлежит к тем мыслителям и политикам, которые признали, что роль угнетателя ложится бременем и на тот народ, правящий класс которой и является угнетателем или принимает в этом участие. По крайней мере в ее исторически неизбежных трагических последствиях. И действительно, история венгерского народа может служить красноречивым доказательством предсказаниям Мочари. В то время как господствующий класс Венгрии пользовался преимуществами от разделения власти, венгерский народ сотнями тысяч, как и народы других национальностей был вынужден оставить родину и отправиться в поисках пропитания в Америку⁹.

Таким образом, чертой, дополняющей и вместе с тем связанной с остальными особенностями, характеризующими, так называемый, основной исторический путь капитализма, является развитие обеспечивающих сырьевую базу и рабочую силу для ведущих капиталистических стран, территорий, которые превратятся в решающий фактор в дальнейшем историческом развитии. Прогрессивная черта национализма Мочари в том, что процесс капиталистического перерождения в странах Восточной Европы по его содержанию и в плане развития этих территорий он считая тождественными по характеру и значению процессу капиталистического развития в западно-европейских странах. Итак, в этом он видел не отклонение от главного пути развития, а по существу тождественный процесс, исторически совершившейся позднее¹⁰.

Л. Мочари был убежден в том, что и в странах Восточной Европы путь капиталистического развития неотвратно ведет к формированию национальных государств; но политический союз этих государств может возникнуть лишь на основании полного равенства прав и взаимного уважения интересов друг друга. С самого начала своей деятельности Л. Мочари был убежден в неизбежности исторического краха Габсбургской монархии, в том, что монархию сменит власть народов, живущих на ее территории.¹¹

В творческом наследии Мочари до сих пор совершенно не рассматривался вопрос о великодержавных стремлениях Германии, угрожавших, по его мнению, миру в Европе. С особенно неустанным вниманием исследует он образование прусского буржуазно-милитаристского государства и великодержавную политику Бисмарка, неоднок-

ратно раскрывал смысл великобержавных стремлений, указывал на их опасность.¹²

Его взгляды по вопросам внешней политики, признание им антидемократического характера политики равновесия европейских держав, — определили его подход к внутривполитическим проблемам. Только в противовес реакционной политике равновесия европейских государств, ценой ее ослабления или полного уничтожения всей системы, представлял Л. Мочари свободное и основывающееся на равноправии буржуазно-национальное развитие европейских народов. Основной смысл деятельности и внутривполитическим целей Л. Мочари составляет борьба против действия конкретной формы европейской политики равновесия, династических стремлений Габсбургов. После того, как мы определим, что в постановке цели и методах борьбы Мочари позиций мирной партии 50-х годов приближается к позиции последовательной борьбы за независимость Кошута, что до известной степени означало и принятие во внимание общественных последствий национально-освободительной борьбы; — мы не можем не отметить несовершенство, непоследовательность и даже ошибочность тех политических средств и методов, которые выдвигал Мочари.

Вместе с тем, нам представляется очень важным, что в политических методах и средствах Мочари исходил не из теоретических рассуждений, а в первую очередь, практического опыта. Он принципиально отвергал либеральную позицию партии Деака в методах политической борьбы, т. е. что осуществление каких либо принципов, правовых требований возможно лишь при условии, если строго придерживаться рамок общего права, принимаемых за вечные, неизменные. Несмотря на то, что в 50-ые годы Мочари примкнул к этому господствовавшему в то время политическому направлению, он очень скоро порвал с ним, поняв, что это направление служило интересам не народа и нации, а интересам династии, или во всяком случае в очень осторожной форме защищало их.¹³

У Мочари никогда не возникало сомнение в том, что законы создаются людьми, и потому люди имеют полное право изменить их и заменить новыми.

В то время как большинство современников искало защиты своих классовых интересов у Габсбургов, тем самым отказываясь от завоеваний прав на национально-капиталистическое развитие. Самостоятельное буржуазно-национальное развитие Мочари ставил основной целью своей жизни и в этом же видел функцию законодательства. Поэтому он выступал против законодательных органов периода дуализма, которые, по его мнению не отвечали своему прямому назначению и вводили в заблуждение относительно цели, стоявшей перед ними. Он вступил в противоречие и с дуалистским правительством, которое на основании неверных законов вело политику, противоречащую интересам народа.¹⁴

Что касается средств непрекращающейся борьбы Мочари в целях изменения характера правительства и состава законодательного

собрания, то здесь он занимал позицию законности. Для него не оставалось сомнений в том, что преобразование империи Габсбургов после революции 1848 года привело к созданию нового капиталистического общества; что Габсбургская империя одна из форм буржуазного общественного устройства, и государство выполняет соответствующие функции. Однако, Мочари отнюдь не был сторонником худшей из всех возможных форм капиталистического государства вместо полуфеодального государства, и половинчатых преобразований феодальных отношений, он хотел, чтобы капиталистическое государственное устройство, его функция, осуществились в Венгрии в форме, наиболее соответствующей национальным интересам и стремлениям класса капиталистов.¹⁵

Цель капиталистического государства Мочари видел в расширении покупательной способности сельскохозяйственного рынка и способствовании росту сельскохозяйственной продукции. Как средний землевладелец, он был заинтересован посредством накопления капитала в Венгрии или же непосредственно путём открытия дополнительных источников в увеличении сельскохозяйственной продукции и использовании внутри страны капитала и прибавочной стоимости, произведенной благодаря любому из таких источников накопления, как средство, расширяющем внутренний рынок.

С этим связано его выступление против таможенного союза, политики общего долга, принятия на себя бремени государственных долгов Австрии, повышения налогов, — т. е. против всякого государственного отягощения, которое частично или же полностью не могло бы быть использовано исключительно для нужд капиталистического развития самой Венгрии, а лишь для увеличения иностранного капитала.

Разумеется, Мочари не был вообще противником иностранных капиталовложений, он возражал против иностранного капитала династии Габсбургов и австрийской империи, используемого некомпетентно, вопреки интересам развития Венгрии, возражал против таможенных налогов, торгового права и практики, благоприятствующих лишь интересам Австрии.¹⁶

Однако, возможности и ограничения накопления капитала в Венгрии в период после соглашения, Мочари не возводил к узкому кругу интересов классов или общественных групп, вернее, он не стремился дать характеристику этим заинтересованным кругам в общественном плане и определить их место соответственно классовому положению. Именно это являлось недостатком его воззрений, больше того, ограниченностью их. Из всего того, что Мочари высказывал по этому поводу, очевидно, как отчётливо он понимал, что „интересы” Габсбургской династии вовсе не являются интересами правящей семьи, симболизирующей государственную власть или интересами личными, а отчужденными от народа интересами различных общественных классов, которые в пределах империи Габсбургов образовали контрреволюционный союз против права народов на национальное самоопределение, территориальную и национальную самостоятельность стран,

входящих в состав империи, против тенденций свободного внутреннего капиталистического развития отдельных стран как опасных революционных тенденций.¹⁷

В период абсолютизма к потенциальным силам союза, направленного против Габсбургов Мочари причислял и аристократию. Соглашение и последовавшие вслед за этим события постепенно убедили его в том, что не только аристократические круги, но и круги средних землевладельцев, не только крупная буржуазия, но и средняя буржуазия, более того, крестьяне, имевшие землю, мелкие промышленники и купцы, а также интеллигенция, принадлежавшая к различным общественным группам не были монолитны в своих стремлениях к национальному самоуправлению, государственной независимости.¹⁸

Взгляд Мочари о единении оппозиционных сил изменяется не только вследствие того, что у него были иллюзии относительно национального единства, как можно было бы заключить на основании написанных в 50-е годы брошюр, но потому что у него сложилось убеждение, опиравшееся на практический опыт, что нация, а внутри неё национальное объединение, — явление историческое, следовательно непостоянное, рождающееся и отмирающее, подверженное постоянным изменениям. Он даже не пытался обобщить в строгие правила условия усиления или ослабления национального единения, хотя анализируя уроки революции и борьбы за свободу в 48—49 гг., он осознал значение такого обобщения. Закономерности отношений, сложившихся после соглашения, Мочари анализировал не в плане абстрактноотвлеченных размышлений, а конкретно оценивал сущность поведения различных общественных сословий, и особенно кругов, игравших роль в парламентской политике. На основе программы оппозиции он очень чутко уловил изменения, совершавшиеся в „национальном единении“, „оппозиционном единении“, так же, как он уловил смену настроений в кругах сторонников соглашения. Очень часто по внешне незначительным толчкам он почти с научной точностью предсказывал землетрясения. По многим проблемам Л. Мочари указывал на глубоко скрытые причины движения политической жизни, не сумев, однако наметить эффективный выход из кризиса оппозиции.¹⁹

Для Мочари, как и для многих его современников, причины, вызвавшие движение общественных сословий были неизвестны, а направление и сила этого движения являлись фактором, не поддающимся точному определению. Причина слабости сил оппозиции заключалась в неразвитости пролетариата, быстрой смене настроения мелкой буржуазии, сильном расслоении и разъединенности крестьянства и относительной слабости средней буржуазии. Подобно другим прогрессивным буржуазным мыслителям Мочари — способствуя образованию капиталистического общества — был вынужден принять во внимание неизбежные, и в сравнении с феодальным грабежом населения все же более прогрессивные, явления нового социального ограбления капиталом и разделение на классы, не сумев разрешить это противоречие во

взаимосвязи с национально-буржуазным единством. Вместо этого он полагал, что противоречия капитализма могут быть преодолены путем отделения государства от Габсбургской империи и расширения демократических прав. Вследствие этого во второй половине XIX века, Мочари, не ожидая серьезного политического оживления от крестьянства, надеется на значительные сдвиги в политической жизни в связи с увеличением численности пролетариата и масс мелкойбуржуазии.

Усиление городских демократических слоев он связывал с капиталистическим развитием, и их он считал решающей силой дальнейшего политического прогресса. У Мочари (и он сам считал это недостаточным) это было лишь требование усиления демократического базиса, а отнюдь не осознание еще не существовавшего в действительности политического уплотнения. Мочари, таким образом, в период, когда организации рабочего класса начинают превращаться в значительный политический фактор, но еще не приобретают решающей роли, несомненно искал появления новых демократических политических сил, которые не выступали с требованием уничтожения капиталистических отношений²⁰.

Для Мочари и его сторонников национальные рамки капиталистического развития являлись условиями ускорения этого процесса, преодоления отсталости. Насколько отчетливо они видели связанные с этим политические и общественные проблемы, деформации в рамках „всей империи“, наблюдавшиеся в общественном мнении и морали, как влияния, подрывающие процесс национального развития, — в такой же мере они были не в состоянии понять, что те национальные рамки, которые для них являлись гарантией свободного развития, слишком узки и ничего не означают для беднейших слоев общества. Мочари и не ставил себе целью исследовать эти проблемы. Он чувствовал, что его конкретной и актуальной задачей было не возведение „несвоевременных“ воздушных замков из социальных вопросов, а обеспечение тех прав свободы, которые служили бы предпосылками демократизации общественной жизни.²¹

Л. Мочари и его соратники, в том числе и Кошут, справедливо полагали, что на успех борьбы против системы дуализма с перспективой её полной ликвидации можно рассчитывать лишь при наличии благоприятствующего борьбе конфликта в Европе, конфликта, который потряс бы всю Европу. В этом смысле они верно оценивали укрепившееся на длительный период равновесие великих держав, наступившее после соглашения. Их опыт подсказывал, что это равновесие могло быть нарушено лишь в ходе революционных конфликтов или войн, которые резко разделили бы международные силы на реакционный и прогрессивный лагерь. И это убедительно доказали франко-прусская война 1870—71 гг. и последовавшая на ней Парижская Коммуна. Однако, устойчивый и большого масштаба конфликт, на который они рассчитывали, и которым хотели бы поверять конкретное содержание практической политики, — не создался.²²

Другой вопрос, насколько они считались с этими событиями. Несомненно одно: они необычайно чутко реагировали на все зарубежные или происходившие внутри Габсбургской империи события, которые можно было расценивать в плане усиления или ослабления дуалистической системы. Воспоминания о разбившихся надеждах в связи с освободительной борьбой итальянского народа, поражении революции 1848—49 гг. и поведении оппозиции, в значительной мере сдерживали их и вынуждали терпеливо ждать благоприятной внешнеполитической ситуации. Этим объясняется тот факт, что во второй половине XIX века симпатия по отношению к зарубежным не переходит границ уличной демонстрации. Вследствие этого позиция Мочари и его приверженцев ограничивалась чисто теоретическими выступлениями, которые, естественно, если учитывать ситуацию того времени, можно охарактеризовать как выдающийся политический акт при оценке как сторонников партии, сочувствующих ей, так и её противников и антидемократического аппарата угнетателей.

Спокойное состояние в международном положении, продолжительный спад демократического массового движения во многих вселило отчаяние и привело к расхождениям во взглядах. Те, кто надеялся найти возможность осуществления своих надежд в прогрессивном движении и от результатов этого движения ожидал возможности более свободного капиталистического развития в рамках венгерского национального государства, — устали, потеряли терпение и попали в экономическую и политическую зависимость от сил, поддерживающих дуалистическую систему. Такое положение явилось благодатной почвой для соглашательства, измены своим принципам. Тяжелым бременем обрушился на радикально настроенных современников массовый переход на иные позиции со стороны и тех, которые еще несколько лет назад были известны всему миру как выдающиеся деятели эмиграции, великие пропагандисты, участники переговоров с Австрией на уровне правительства; среди них много было и таких, которые принадлежали к радикальному крылу эмиграции или, как казалось, были близки к нему.²³

Но в противовес сужению политических перспектив реальную форму приобрели перспективы дуалистической конценции — экономический подъём, массовый приток иностранного капитала, развитие сети банков, современная большая промышленность, ускоренные темпы капиталистического производства товаров, — все это внушительные факты, которые придавали Венгрии в союзе с Австрией вес и авторитет великой державы, а экономически ставили её среди других стран Европы на уровне великих держав.

Эта вторая значительная в Европе волна капиталистического развития, хотя и прерывалась кризисами, для полного господства капитализма с образованием монополистических объединений означала быстрое структурное преобразование; она несомненно достигла серьезных успехов всего лишь за четверть века, но вместе с тем принесла такие последствия социального обнищания при капитализме, о

которых в связи с промышленными центрами Западной Европы можно было говорить целым веком раньше.²⁴

В рамках реакционной системы равновесия сил великих держав капитализм, развивающийся в европейских масштабах, обнаружил противоречие космополитического характера — Космополитическому капиталу империи противостоял интернациональный пролетариат, который учился сочетать интернационализм с защитой национальных интересов, а также интересов рабочих и крестьян.²⁵

Этот путь развития сопровождался ростом национального самосознания и усилением националистических стремлений среди крестьян, превращающихся в землевладельцев, и укрепившейся местной мелкой и средней буржуазии, деятельность которой в области транспорта, торговли и промышленности дополняла работу так называемой „большой промышленности империи.

Среди современников Мочари и соратников по партии было много таких, которые, наблюдая усиление местного рабочего национального движения и политического единения сил, утратили надежды на демократический союз народов против Габсбургов в исторической перспективе. Многие из тех, кто раньше лишь поверхностно, а не из убеждений выражал солидарность с другими национальными партиями или же молча принимали подобные взгляды, теперь отошли от местного националистического движения и оказались в плену националистических тенденций Австро-Венгерской монархии. Охваченные мелкобуржуазным страхом, они не смогли стать выше своих местническо-патриотических интересов и требуя применения репрессий по отношению к противникам венгерских националистических тенденций, превратились в рьяных защитников деятельности дуалистического государственного аппарата, направленной против национальных интересов других народов, несмотря на то, что в свое время и выступали на стороне радикально-демократической оппозиции.²⁶

Основываясь на своих политических убеждениях и вере в историческое развитие Лайош Мочари довольно последовательно вел борьбу против распространившегося шовинистического варварства. И несмотря на то, что в конце XIX века изменения, происходившие в структуре капиталистического общества были еще трудно уловимы, по многочисленным признакам он все же ясно осознавал смысл эпохи, хотя и не смог понять внутреннюю сущность тенденции развития.²⁷

Несомненно, однако, что стоя на буржуазно-либеральных позициях, Мочари определил характерные черты тенденции развития в управлении, а во многих отношениях верно оценил и монополистическое положение крупных землевладельцев и капиталистов, игравших ведущую роль в экономической жизни империи. Но борьба против монополистических тенденций велась старыми средствами, она напоминала о буржуазных тенденциях домонополистического капитализма XIX века. и в связи с этим послужила поводом для такого исторического спора, в котором было нетрудно оказаться совсем в смешном положении защитника фантазмагории феодализма, пользо-

вавшегося демагогическими средствами. Это положение усугублялось и тем, что даже внутри своей партии была утрачена возможность оправдать себя, доискаться истины. Поэтому временно противники торжествовали победу над человеком, оказавшимся в полной изоляции лишенным возможности защитить себя.²⁸

Но лишь временно, так как хотя Мочари и вынужден был отступить перед подавляющим числом противником, и сносить свое молчание, однако это было вынужденное молчание, и ни в коем случае не отступление. Своим принципам, взглядам, явившимся результатом исторического анализа и их последствиям, он оставался верен до конца жизни.²⁹

Верность прежним убеждениям была продуктом буржуазно-либерального периода, анахронизмом, историческая ограниченность которого отразилась и на новом поколении буржуазии, потерпевшем поражение и распылившим свои силы, так как и оно не оказалось на высоте исторических требований, предъявляемых новой общественно-политической и национальной ориентацией в период монополитического капитала.³⁰

Как явствует из вышесказанного, политическая деятельность Мочари имеет огромное значение не только в истории Венгрии, но во многих отношениях затрагивает общий исторический процесс стран Восточной Европы. Лайош Мочари не был исключительно „национальным политиком“; он был решительным противником теории особого исторического пути развития этих стран, провозвестником новой исторической перспективы, основывавшейся на принципах равноправия народов и национального самоуправления.

Как тип исторического деятеля Мочари бесспорно принадлежал к демократическим традициям истории периода дуализма Австро-Венгерской монархии и может быть назван в числе других представителей прогрессивного крыла общественных деятелей в Венгрии во второй половине XIX века.

Нам хотелось бы несколько подробнее остановиться на влиянии писательского наследия Мочари, которое без сомнения заслуживает больше внимания, чем мы уделили ему до сих пор. Прежде всего приходится выразить сожаление о том, что в венгерской истории не было такого продолжительного мирного демократического периода, который способствовал бы созданию благоприятных условий для формирования традиций изучения Мочари. Все, что в прошлом было сделано, чтобы почтить память Мочари, исходило не от официальных правящих кругов, а явилось выступлением оппозиционных сил антигерманского направления в соответствии с традициями Мочари. Идейное наследие Мочари настолько недвусмысленно разоблачало стремления господствующих классов Венгрии, при этом не только для своего времени, но и в годы фашизма, что оно просто замалчивалось, так как они не могли использовать труды Мочари в своих целях.³¹

Во взглядах Мочари по проблемам внешней политики пожалуй еще решительнее, чем в концепции национальной политики, вырази-

лось „нет” внешнеполитической ориентации правительства Хорти. Антигерманские выступления Мочари именно потому старались причислить к лагерю противников немецкого влияния, так называемых „маловенгров”, „куруцов”, „независимых”.³² Как это ни странно, почитатели Мочари в XX веке не провели более глубокого анализа его позиции по этому вопросу, поэтому мотивы таких антигерманских выступлений остались невыясненными, хотя известные общественно-политические причины, политическая борьба против фашизма могли послужить очень важными идеологическими предпосылками для этого.³³

Именно в этом проявляется поистине непреодолимое противоречие относительно перспектив развития венгерской нации между позицией, занимаемой Мочари, и позицией правящих кругов буржуазии в XX веке. Во второй половине XIX веках выступлением Мочари и нескольких его соратников начинается раздел венгерского буржуазно-националистического движения и массового демократического движения рабочих и крестьян. С одной стороны, появляется реакционная, — если принять во внимание историческую функцию национализма в Венгрии, тормозящая общественное развитие, — господствующая идеология, а с другой стороны, происходит концентрация национальных демократических сил, проявившаяся в движении угнетенных и обездоленных. В этих условиях Мочари выступал против идейного и организационного застоя, тормозившего процесс капиталистического развития, который начался после буржуазной революции. В своем анализе Мочари исходил из передовых идей. Опираясь моментами таких понятий, как развитие, общественный прогресс, неизбежность прогресса, данность исторического момента и неотвратимость законов исторической необходимости, он пытался выяснить соотношения идеи человека и прогресса.³⁴

Эта воинственная непримиримая позиция включает и элементы правомерной национальной самообороны, в которых можно, правда, обнаружить и характерные черты классовой ограниченности всей общественной мысли XIX века. Существенно однако, и в этом отношении, принципиальная дифференцированность понятия, согласно которому страна по праву должна принадлежать каждому гражданину, каждому народу, должна быть их родиной, в которой они одинаково свободно могут развиваться. В противовес требованию гегемонии венгерскими правящими классами Мочари подчеркивал, что для свободного и равноправного развития должны быть созданы условия. Несмотря на то, что характеризуя условия совместной жизни народов, Мочари не смог стать выше формализма буржуазного мировоззрения (что с тактической стороны совершенно понятно), и открыл возможность для осуществления теоретических моментов, противоречивших его мировоззрению, основные принципы являлись современными и демократическими. Условия сохранения исторической Венгрии Л. Мочари видел в возможности всестороннего и свободного развития народов, населявших страну, в том, чтобы каждый народ чувствовал

себя как на родине. При этом он указывал, хотя и не развил более обстоятельно, не только не политические, но и на экономические предпосылки этого.

После распада Австро-Венгерской монархии, в государствах-наследниках создались качественно более благоприятные, по сравнению с периодом монархии, условия для развития отдельных народов. Мочари, утверждавший принцип свободного развития народов отнюдь не симпатизировал стремлениям правящих венгерских кругов возвратить все без исключения территории. В связи с этим деятельность Мочари они расценивали как содействие разделу исторически сложившейся Венгрии.³⁵

Для идеологов и историков хортистского режима девизом современного исторического развития Венгрии было утверждение великодержавной позиции и роли Габсбургов и признание наследования этого права за немецкой империей. Господство над другими народами, унижение и дискриминация других народов, утверждение и распространение политической и культурной гегемонии играли ведущую идеологическую роль в их мировоззрении.

И это было не больше, чем клевета и очернение Мочари. Они пытались представить Мочари как сентиментального „маловенгра“, высмеивали его аполитичную дружбу с соседними „малыми“ народами, противопоставляя их „великим народам“. Эти теории сильно подрывали силы народных масс, формировавших историю, уменьшили возможность единения остальных малых народов и национальных групп в интересах революции и прогресса.³⁶

Л. Мочари самым решительным образом выступил против национальной самоизоляции и замкнутости в любой их форме. Будущее венгерской нации он соразмерял со всеобщим развитием человечества. Общечеловеческое развитие Мочари понимал как продукт совместных усилий отдельных личностей, масс, групп, народов. Однако, он представлял его не как мирную идиллию, а как результат напряженного, исторически беспощадного соперничества, в процессе которого народы остаются или погибают вследствие того, что они не способны осознать закономерности общественного развития в данную эпоху и соответственно им перестроить общественное устройство, свою общественную деятельность. Мочари было чуждо мистическое, патетическое и романтическое представление эпохи реформ о гибели нации, не считавшееся с вызвавшими ее причинами и аллегорическое воплощение нации.³⁷

Для Мочари нация — это изменяющаяся общность живых людей. В деятельности этой общности решающее значение он придавал сознанию; тому, к какой степени способна нация, как общность людей постоянно развивать требования современного общественного развития совместно с общими законами общества и правовыми нормами, перестроить мораль общества. Мочари, рассеивает туман вокруг мысли о смерти нации, призывает к конкретной деятельности, к борьбе.

Деятельность, борьба являются осознанием того, что в истории ни один народ, ни одна нация не осуждены на гибель, смертный приговор нации не является неизбежным и зависит не от каких-либо внешних факторов и воли великих держав, а от самых внутренних сил общества, результатов настойчивой, сознательной, отвечающей требованиям эпохи, деятельности.

Этот взгляд Мочари был абсолютно неприемлемым при том реакционном режиме и потому замалчивался его идеологами, для которых будущее венгерского народа, его „прекрасное будущее” связывалось со вступлением в действие мистических, внеобщественных сил, которые должны были бы, но их представлениям, воплотиться в помощи самых реакционных великих держав. Они пессимистически предсказывали невозможность существования нашего государства в данных географических границах. Таким образом, критерий развития они связывали не с внутренним органическим развитием общества и общим прогрессом, а выдвигали в качестве основного принципа географический фактор, приобретение территории.

К сожалению, в период между двумя войнами сторонники прогресса в Венгрии не могли высвободиться от той угнетающей картины, которую представил аппарат пропаганды периода Хорти, опиравшийся на научные достижения хорошо подготовленной армии исследователей, провозгласивших трагический поворот в жизни венгерского общества.³⁸

Современная эпоха убеждает, однако, в том, что человеческое общество как биологическое явление не истощается, явления истощения, упадка вызваны не биологическими, а общественными факторами, внутренней структурой общества, тенденцией развития законов движения, современностью или устарелостью их.

В эпоху классовых обществ последовательное изучение этих законов движения и попытка вскрыть закономерные явления роли общественных формаций и отдельных народов были предприняты буржуазной наукой лишь в прошлом веке. Вследствие этого общественная мысль первой половины XIX века выдвигала только вопрос о необходимости признания закономерностей, не избежав, разумеется, большого количества таких утверждений, которые вызвали обоснование ненаучных или же научно неподтвержденных и потому строившихся на интуиции идеологических, религиозных, трансцендентных и мистических факторов.³⁹

В истории венгерской мысли Мочари принадлежит несомненно решающая роль в том, что в противовес превалированию романтических иррациональных моментов в общественной мысли, он обосновал идеологические предпосылки методов исследования, строившихся на реальности. Эта роль остается за ним, несмотря на то, что вследствие естественного положения дел, правящие классы политически не способствовали воплощению этих идей в общественной мысли.

Официальная и научная мысль периода фашизма Хорти преувеличивала подлинную великодержавную роль Австро-Венгерской

монархии с тем, чтобы найти место и той роли, которую венгерское королевство сыграло в новой истории. Мысль о всеобщности католицизма она очень своеобразно связывала с доказательствами исторической неизбежности Австро-Венгерской монархии. Австро-Венгерская монархия в качестве аргумента, доказывающего ее целостность продолжала и далее жить в ревизионистской пропаганде. Духовное наследие Мочари — свидетельство неприятия им всякого рода великодержавных стремлений, направленных на угнетение других народов.⁴⁰

Взгляды Мочари несомненно знаменуют собой начало новых, более всеобщих воззрений в венгерской общественной мысли и в том аспекте, что своеобразие общественного развития с странах Восточной Европы по сравнению с западно-европейским он ищет в конкретных общественных условиях. Благодаря этому он решительно порывает с распространявшимся еще в эпоху Просвещения в венгерской общественной мысли аллегорическим, субъективным, облеченным человеческими чертами понятием нации. Существенное различие Мочари видел в запоздании определенных исторических фазисов. Причину этого оставания он видел не в „национальной лениности“, общественных противоречиях или политической классовой борьбе буржуазии, а в том, что эта территория служила экономическим придатком, областью, доставлявшей сельскохозяйственные продукты для западной (австрийской) капитализирующейся страны. Народы Венгрии, испытывавшие отрицательные последствия западного капиталистического развития, вступили на путь капиталистического развития своеобразно в сфере интеллектуальной жизни, пройдя этот путь, формируя свою культуру и язык без предварительного территориального, политического и экономического обособления друг от друга. В концепции Мочари этот момент исторической роли и развития венгерского буржуазного государства представляется нам чрезвычайно существенным.⁴¹

На основании этого он пришел к выводу о том, что национальные движения в странах Восточной Европы не имеют никакого отношения к существующей государственности Габсбургов, если только мы не говорим о её роли ограничения и торможения этого процесса. Исходя из этого положения Мочари закономерно пришел к выводу о том, что Венгрия не является необходимой частью империи Габсбургов. Венгерскую империю, лишенную прав при Габсбургах, он считал явлением, лишенным демократического содержания национальных интересов Венгрии, к которому народ не имел никакого отношения. Мочари готов теоретически признать и практически потерпеть существование Габсбургской империи и то лишь как средство защиты от тяжелейших искажений равновесия европейских великих держав, являвшихся отрицательными для развития народов и непосредственно угрожавших будущему этих народов. В этом отношении воззрения Мочари полностью совпадают со взглядами Маркса-Энгельса и целого ряда других представителей прогресса. В периоде, предшествовавший развертыванию буржуазно-демократического и социалистического

революционного движения в России, конец политики равновесия великих держав, падение роли Австрии, означал бы раздел между конкурентами территорий Восточной и Юго-восточной Европы, населенных славянами и вклинившимися между ними неславянскими народами и присоединение их к царской России или же угрозу расширения сферы влияния абсолютистского царского режима, более реакционного по сравнению с конституционной монархией Габсбургов.

Л. Мочари указывал и на конкретные явления опасности панславизма. Панславизм он рассматривал как завоевательские устремления правящего класса России. Панславизм как мистическую, трансцендентную мысль о единении славянских народов, которая жила в сознании современников как кошмар, угрожавший будущему всего человечества, — Мочари отрицал. Мочари был убежден в том, что основным моментом в развитии славянских народов являлось не осознание ими родства, не вера в помощь царизма, но формирование национального сознания отдельных народов в процессе капиталистического развития, переход на путь капиталистического общественного развития.⁴² Поскольку капиталистического развития исторически неизбежно прекращает все преимущества и остатки феодализма, то несовместимо с капиталистическим развитием и исторически неотвратимо падение абсолютистских мировых держав. Позиция Мочари в вопросе об исторической опасности панславизма явилась таким образом плодом рационального общественно-научного исследования.⁴³

В идеологии хортистского режима враждебность по отношению к Советскому Союзу занимала ведущее место. Идеологи стремились представить достижения социалистической революции как болезненные явления человеческого развития. Они пытались изолировать страну от внешнего мира, прогрессивного человеческого мышления. Идеологи „политики культурного превосходства” в период выдвижения христианских национальных интересов изображали Советский Союз как угрозу всей христианской гуманистической культуре и цивилизации. Они умалчивали о той подлинной опасности, которую представлял Советский Союз в действительности для всякой исторической организации, тенденции и идеологии, враждебной прогрессу. Это замалчивание истины они пытались скрыть от общественного мнения, приводя картины ужаса, навеянные идеями панславизма. Вместо подлинной опасности, „опасности” прогресса, они пытались утвердить в общественном сознании анахронические „опасности”. Все творческое наследие Мочари было протестом против использования в качестве средства политики иррационального осознания опасности в общественном сознании.⁴⁴ Мочари, убежденный в прогрессивности капиталистического развития, был уверен в исторической неотвратимости уничтожения монархическо-феодалных пережитков венгерского королевства, русского царизма, империи Габсбургов. Согласно взглядам Мочари, венгерскому народу не угрожает никакой опасности со стороны народов стран Восточной Европы, вступивших

на путь капиталистического развития. У венгерского народа были общие цели с народами, избравшими путь буржуазного прогресса; совпадение целей и пути развития создавало необходимые предпосылки взаимопонимания между ними. Мочари, следовательно, против иррационального общественного сознания опасности, столь характерного в дальнейшем для фашизма, против использования в качестве средства возбуждения политического фанатизма, этого наиболее опасного оружия, которое находится в руках политической реакции, в качестве защиты от всего этого Мочари выдвигает рациональный взгляд прогрессивных сил, освещающий конкретные мотивы закономерностей общественного развития, будучи уверенным в том, что этим оружием достигнет цели в борьбе.

Уже эти несколько перечисленных моментов являются убедительным доказательством того, что Мочари открыл в развитии венгерской общественной мысли совершенно новый путь, и таким образом, занимает гораздо более видное место в демократической традиции венгерской общественной мысли, чем это представлялось в существующих до сих пор критических работах Мочари.⁴⁵

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лайош Мочари (1826—1916) происходил из среднепоместной дворянской семьи. Отец его был высокообразованным человеком; он окончил немецкий университет, позднее посетил крупнейшие промышленные и культурные центры Западной Европы. Уже с 1855 года Лайош Мочари стал признанным в Венгрии и за рубежом публицистом. В период 1860—1892 он активный политический деятель позиции. в 1874 г. он явился одним из основателей Партии Независимости, впоследствии — ее признанный руководитель. В 1888—1892 гг. — член парламента румынского избирательного округа. Кагепсебен в своей публицистической и парламентской деятельности он неутомимо разоблачал ретроградное и враждебное народу государственное устройство дуалистической Австро-Венгерской монархии. Особенно решительно он выступал против всякого ущемления национальных интересов и прав. Последовательно провозглашаемые им принципы и непоколебимо отстаиваемая позиция на стороне угнетенных классов вызвали, с одной стороны, ненависть правящих кругов, а с другой, признание народов Венгрии и всего прогрессивного общественного мнения в Европе. Мочари был предвестником идеи дружественного союза народов Восточной Европы, которые завоюют право создания самостоятельных национальных государств. Сторонники прогресса в Европе в межвоенное двадцатилетие неоднократно ссылались на него. Дружеские внешнеполитические отношения демократической Венгрии с соседними государствами образовались несомненно благодаря восстановлению идейного наследия Лайоша Мочари. К числу наиболее ярких проявлений этого относится юбилейное чествование в 1946 г., связанное с пребыванием в Венгрии Председателя совета министров Румынии Петру Гроза.

² Мы не имеем возможности дать полное перечисление высказываний, трактующих Мочари как политика, выступавшего против „овенгеривания“. Так оценивали его передовые журналы, которые занимались проблемами национальных движений в Австро-Венгерской монархии периода дуализма. В первую очередь загребский журнал *Pozor* (1860 N 52. sz.) *Narodné Noviny*) 1870, N 95., 1886, N 97; 1887, N 21. 72., 1892, N 3., 1899, N 72., 1900, N 43., 1905, N 115., 1907, NN 27—28. 1908, NN 6., 25., 1916, N 4., 1926, N 109., — газета Словацкой Национальной партии; *Familia* (1879, N 31), *Zasztava*) — газета Св. Милетича, 1899, N 61; 1887, N 19); *Romänische Revue*) 1886, NN 204—206; 1887, NN 81—85); Варшавский Дне-

вник" (на русском языке, 1886, № 136–1383 *Romanul*) газета, выходящая в Бухаресте, от 9 июня 1886 3; *Siebenbürgisch – Deutsches Tageblatt*) 1887, NN 3893, 4024; 1916, N 12841); *Zastava* редактор – Jász Tomić, 1887, NN 19, 32; 1888 N 76; 1905, N 238; 1906 N 9); *L'Ruistrische Slava et Romaine* (журнал, выходивший в Париже: 1888. V. N 30), *Atheneum* (польская газета, издававшаяся в Варшаве; – 1889, N 1); *Gazeta Transilvaneii* (Брашшов, 1902, N 82; 1905, N 142; 1908, N 23; 1915, N 184); *Preussische Jahrbücher* (Эдэн Стейнакер – 1904, N 115, с. 495–502) *Branik* (Novisad, 1905, N 215; 1906, N 202); *Oltauul* (Fogarás, 1909 N 26); *Unirea* (1905 N 40; 1913, N 110); *Le Corrier Europeen* (Paris: Moesáry Lajos, La crise hongroise, 1905, XII. 15); *Cultura Belo Polla*: 1944, с. 506–510); *Útunk* (Eugen Jebeleanu 1947 N 18.)

Наиболее детальное биографическое исследование – вступительная статья Г. Кемени к тому избранных произведений Лайоша Мочари:

Moesáry, Lajos: Válogatott írásai. Budapest, 1958.

Этот том представляет собой первое в марксистской исторической науке толкование Мочари. К сожалению ограниченный объем статьи не дает возможности перечислить работы, занимающиеся Мочари.

- 3 Л. Мочари уже в самом начале своей публицистической и политической деятельности обладал вполне сложившимся общественным мировоззрением. Его взгляды были изложены в следующих основных общественно-политических и философских эссе. *A magyar társasélet.* (Общественная жизнь в Венгрии) Pest, 1855; *A nemzetiség.* (Национальность) Pest, 1958; *Program a nemzetiség és a nemzetiségek tárgyában.* (Программа по вопросу нации и народностей) Pest, 1860.

- 4 „В десятилетие, предшествовавшее революции, проснулось национальное чувство) (Мочари имеет в виду 1840-ые годы – З. Т.), проснулось точно так же, как и наше собственное чувство нации. начала оно проявилось в поэзии и литературе, затем в политических спорах. Пробудилось тогда когда дух XIX века проник и в окраинные уголки Юго-Восточной Европы; переберем по порядку живущие здесь народы: – у каждого из них чувство национальности пробуждалось прежде всего под влиянием новых идей и благодаря им начался всесторонний органический процесс прогресса. Существует самая прямая аналогия между нашим национальным пробуждением и пробуждением других национальностей. В пределах наших границ и за ними, к югу и к востоку, отличие состоит лишь в том, что у нас это движение приобрело большой размах, потому что большая территория, более развит народ, в котором оно зародилось, словом, совершенно иной „материал“, – *Moesáry, Lajos: Egy pár őszinte szó a nemzetiségi kérdéstről.* „Pesti Napló“ 4. IV. 1861, N 77.

- 5 „... Но я и не думаю, чтобы в наше время господство над другими, унижение их, тирания и есть то самое благо, за которое борются народы, и что это единственное, что их может побудить напрячь силы. В современном мире идеал народов – не безграничное господство, а свобода и цивилизация, со всеми ее преимуществами.

И эта свобода достижима без унижения, закрепощения других, более того, одним из самых главных условий свободы одного народа является свобода других – всеобщая свобода. Цивилизация находится в прямом противоречии с завоеванием и уничтожением других народов...” *Moesáry, Lajos: Nemzetiség.* Pest, 1858. 87–88 с.

- 6 „... Со стороны Венгрии было бы безумством при каких угодно планах политика нападения и аннексий; исходя непосредственно из ее жизненной потребности, для нее возможны лишь дружественность, искренний союз со всеми соседними странами, которые как самостоятельные национальности и государства выходят из исторического и национального хаоса, царившего в Юго – Восточной Европе”. Л. Мочари (Передовая статья без заглавия по поводу сербского вопроса). „Ellenőr” 18. XI. 1870, N 64.

- 7 „... Мы отдаем себе отчет в том, что наша страна населена различными национальностями, народами, говорящими на разных языках, и это нельзя изменить, каковы бы ни были недостатки и неприятные стороны такого положения.” *Moesáry, Lajos: Egy pár őszinte szó a nemzetiségi kérdéstről.* „Pesti Napló” 4. IV. 1861, N 77.

„... Вопрос все время вращался вокруг того, каким образом целесообразнее решить все частные вопросы, чтобы удовлетворив интересы отдельных народов, их общая родина навеки осталась бы единым организмом, одной душой, и выступала бы на мировом рынке не как горе-витаэ, у которого то тут, то там болит, но чтобы она выступила как молодой богатырь, который вызвал бы на поединок и другие народы, с тем, чтобы и они вступили на славный путь цивилизации”.
Mocsáry, Lajos: A nemzetiségek kérdése. „Magyarország” 20. IV. 1861. N 102.

⁸ „... А все-таки мир идет вперед. Кто не хочет идти, того заставят. А поскольку мы уже не можем остаться в прежнем, если угодно, идиллическом состоянии, то тем быстрее нужно перескочить через большую революцию и преодолеть столь столь мучительный, но неизбежный переходный период. По этому поводу уже не осталось больше никаких сомнений. И мы тоже включились в этот переходный процесс, корчимся в родовых схватках. Нужно изловчиться, как можно скорее пристать к берегу, избавиться от утомительных скитаний. Нам должно превратиться в совершенно европейскую буржуазную нацию, мы не можем больше оставаться полу-азиатами, полу-европейцами. Самое важное что нам предстоит совершить: кроме поддержания своих жизненных сил, — национально оформиться, следовать по пути прогресса.” — *Mocsáry, Lajos: A magyar társasélet. Pest, 1855. c. 116.*

⁹ „... В прошлом году я читал отчет Венгерского общества в Америке. В нем констатировалось, что число венгров, переселившихся в Америку, превышает сто тысяч. Всем известно, что секии массами переселяются в Румынию; известно также, что с недавнего времени население Задунайской территории перебирается в Славонию; и совсем недавно из комитата Боршод, где вполне хватает всякого рода полевых работ, так как там много пахотных земель, лесов, виноградников, — люди переселяются в Америку. Я полагаю, уважаемое Собрание, в этих условиях утверждать, что в Венгрии нехватает рабочих рук для промышленности, и что в ходе оживления промышленности понесло бы ущерб сельское хозяйство из-за недостатка рабочей силы, — нет оснований.”

„... Но в достаточной ли мере мы развиваемся по сравнению, например, с Румынией, страной, только что неспрыгнувшись, которая наряду с завоеванной государственной самостоятельностью, может свободно развернуть свои силы. Говорят, что прогресс в Венгрии значителен. Но извольте заглянуть немного подальше от центра Будапешта, магистральных дорог выставочных территорий, посмотрите на наши убогие деревни, заброшенные поля, — настоящая Азия.” Л. Мочари. Речь на заседании парламента от 1 окт. 1866 г. „Képviselőházi Napló” 1884 — 1887. T. XIII. c. 100.

¹⁰ „... Забятые народы по нижнему течению Дуная мир до сих пор мало принимали во внимание: едва ли мы считали своими соотечественниками валахов, сербов, русинов и т. п. Они принадлежали к самым неимущим классам; благодаря нашей господствующей позиции, богатству, влиянию и образованности, мы подчинили их. Положение изменилось; буржуазное равенство и материальное обогащение открыли границы и обеспечили всем свободный конкурс, свободную карьеру. Сербы и румыны, закарпатские украинцы воспрянули и теперь требуют, чтобы мы их признали братскими народами; поражает энергия, с которой они борются за дело прогресса: много незрелого, много горячности и в связи с этим колебаний в правильных в основе своей принципах, проявляется в этих движениях, но нельзя отрицать, если мы беспристрастно оценим это обстоятельство, что они стремительно поднимаются в своем духовном развитии.” *Mocsáry, Lajos: A sárospataki tanuló ifjúsághoz. Sárospatak, 1867.*

¹¹ „... Наша симпатия только на стороне народов; она не может относиться к тому противному всякой природе конгломерату, который являет нам *engrager Reichsrath*. Таким образом, я бы в корне истребил те псбуждения, которые склонили бы нас к федерации”. — Л. Мочари. (Передовая статья без названия, Пешт, 29 июля) — „Pesti Napló” 30. VII. 1861. c. 173. „... невозможно решить австрийскую проблему иначе как только удовлетворив законные права народов”. Выступление Л. Мочари в парламенте от 23 марта 1867 г. — „Képviselőházi Napló” 1865/68. T. IV. c. 41.

„... А. Е. I. O. U. (Austria Erit In Orbe Ultima) никогда не подлежала сомнению так, как теперь, когда дела бога осуществляются пруссаками. Это всеобщее убеждение... Часто высмеиваемая утопия Кошута о дунайской конфедерации... представляется теперь скорее всего как неизбежная часть европейского гороскопа. Она сбудется эта федерация, я верю в это, но не путем кочующих парламентских заседаний один раз Пеште, другой — в Бухаресте, третий — в Белграде, и т. п. по порядку, как симпозиумы врачей и естествоиспытателей, и не путем Reichsrat или делегаций, а сбудется как состоящий из ряда независимых государств международный союз, который будет объединять общий интерес. Однако, она не возникнет по маговению руки. Юго-Восточная часть Европы сплошной исторический, этнографический, национальный и культурный хаос. Перемешались в нем гунны, венгры, потом турки и австрийцы, да так, что каким бы сильным химическим элементов они не оказались, нелегко выделиться им в кристаллы нормальной формы и цвета из такой бесцветной и бесформенной массы...” — *Mocsáry, Lajos: Még egyszer az északnémet sógor. „Ellenőr”, 22. X. 1870, N 37.*

- ¹² „... Свежеиспеченная прусско-немецкая и австро-венгерская дружба, как принято думать, приостановила опасность, которая угрожала Австрии с запада, но легко может стать, что вся эта уверенность не что иное, как Galgenfrist, пруссаки отдохнут немножко после огромного напряжения сил и затем последует продолжение.” — *Mocsáry, Lajos: A magyar hadsereg. „Ellenőr” 24. I. 1871, N 131.*

- ¹³ Путь Мочари вплоть до Партии Независимости (1826 — 1874) автор статьи детально проследил в кандидатской диссертации защищенной им в 1963 году в Будапеште. *Mocsáry, Lajos: A kérdések kérdése. Pest, 1866.*
В этой брошюре Мочари подробно излагает свою позицию против соглашения.

- ¹⁴ „... Поэтому наша нация получение права на конституцию не датирует той минутой, когда его королевское величество (Франц Иосиф - З. Т.) объявил, что он восстановит конституцию Венгрии; не датируем мы его и тем временем, когда она была освящена в 1867 году XII статьей закона. Но возвращаемся к тем временам, когда мы сами требовали действительного проведения в жизнь нашей конституции (имеется в виду революционное законодательство 1848 г. — З. Т.) и более того, возвращаемся к позиции естественного права, согласно которому быть свободным и устраивать свои дела по собственным соображениям и вкусу — является неотъемлемым правом каждой нации”. *Mocsáry, Lajos: Egy pár őszinte szó Gyulai Pálnak. „A Hon”, 19. III. 1868, N 66.*

- ¹⁵ „... Прежде думали, что только дворянство и духовенство имеет разум, благодаря которому они и поддерживают благосостояние подвластных им народов; массы их подданных вследствие ограниченности ума не в состоянии позаботиться ствие ограниченности ума не в состоянии позаботиться самих себе. Теперь же они не хотят признать, что ум — привилегия исключительно определенных классов и тем самым хотят лишить массы права распоряжаться собой.” — „Ellenőr”, 6. III. 1872, N 54.

„... при такой всепроникающей государственной власти (Мочари подразумевает буржуазное государство — З. Т.) свобода... только меняет своего господина, устоять против него она никогда не сможет”. — Л. Мочари. Выступление в парламенте. от 3 апреля 1872 г. — „Képviselőházi Napló”, 1869/72. T. XXIV, с. 54.

- ¹⁶ „... возможно, что в 1867 г. после заключения первого таможенного договора нашлись те, кто надеялся, что для материального обогащения страны достаточно лишь развить до самого высшего уровня ее сельское хозяйство. Этот взгляд был ошибочным и тогда: ведь нет сомнения в том, что нет в мире страны, которая бы путем одностороннего экономического развития достигла бы высокого уровня благосостояния. Всем известно, что сельское хозяйство без помощи промышленности никогда не превратится в хозяйство полное силы, по-настоящему развитое”. — Мочари. Речь в парламенте от 1. окт. 1886 г. — „Képviselőházi Napló” 1884/87, T. XIII, с. 97.

- ¹⁷ После падения Наполеона III и провозглашения французской республики Мочари писал: „Развитие демократизма в наше время неотвратимо, демократия же с монархией несовместима. Как только исчезнет феодализм, то вместе с ним

исчезнут и такие пережитки монархизма и феодализма, как оброк, винная десятина, продовольственные обложения. Мочари подчеркивал, что и в Венгрии следует готовиться к надвигающимся демократическим преобразованиям, так как „может прийти время, когда придет и на них черед (т. е. Габсбургов — З. Т.) .... малые народы, как мы, например, не всегда кузнецы своего счастья” и потому нужно остерегаться, чтобы „они (т. е. малые народы — З. Т.) не дали себя уничтожить до средства, которое можно использовать в интересах династии”.

¹⁸ „... Хотя я не принадлежу к партии Деака, но в определенном смысле лучше могу оценить ее достоинства, чем многие люди, которые идут за ней, как согласно мифу, за Орфеем кроткое животное, которое на вопрос: что и оно тоже заморожено лютней, — отвечало: я вижу, что за мной идут и огромные дубы...” *Mocsáry, Lajos: Deák a hevesi ügyben. „A Hon”* 3. XI. 1867. N 261.

¹⁹ В брошюре *A közjogi vita*. (Дискуссия по государственному публичному праву) Pest, 1972. Мочари предсказал принятие в 1875 г. программы умеренно-левого крыла либеральной партии Кальмана Тисы. В работе *A közművelődési egyetek és a nemzetiségi kérdés*.

(Просветительские общества и национальный вопрос; Вр., 1886 он на несколько десятилетий заранее определил общественнополитические последствия шовинистической венгерской политики. С момента обращения Партии Независимости к тактике Ференца Кошута Мочари разоблачал ее во многих брошюрах. *A Függetlenségi Párt*. Pest, 1890; *Válság. Vezényszópolitika. Nemzetiségi kérdés*. Eger, 1905; *A Függetlenségi Párt* Pest, 1906: Мочари относился к тем немногим прогрессивным политикам, которые с самого начала войны ясно видели ее империалистические цели и ожидаемые итоги: „и мы тоже, по своей венгерской привычке, mitgefengen, mitgehangen, начали тем, что уничтожим Сербию; немцы начали с того же, никакой особой спешной цели у них не было, кроме как стереть Францию с лица земли и на ее развалинах возвыситься до признанной всеми в мире первой нации; но и заодно положить в карман несколько миллиардов чаевых:.. Очень тяжелым, даже отчаянным представляется мне положение страны... С той минуты, как немцы двинулись к границам Франции, наша судьба была решена. „— Письмо Мочари к Эрне и Андору Мезеи от 17 сент. 1914 г. Рукописный отдел Государственной Б-ки им. Сечени в Будапеште, 20) Когда в 1870 г. по XI II статье закона было введено 50%-членство в собраниях в комитатах по принципу: кто платит более высокие налоги, — Мочари выступил против „импорта новой аристократии”, так как это укрепило бы реакцию, тогда как по его мнению „время от времени желательна оживленная, бурная деятельность молодого демократа, если угодно, пролетарских элементов, потому что в них по самой природе их заложен прогрессивный, животворящий элемент”. — *Mocsáry, Lajos: Megyerendezési törvényjavaslat. III. „Ellenőr”* 6. V. 1870, N 103.

²¹ „... Против свех этих неурядков есть одно, но верное средство, одно радикальное лекарство, которое может к помочь всем нашим бедам: государственная независимость”. *Mocsáry, Lajos: A közözügyi rendszer zárszámadás*. Вр., 1889. с. 2.

²² „... Будущее за демократией, которая лишь тогда, когда венгерский бог повернет колесо судьбы страны к лучшему, умножится и разовьется; у нее будет случай показать, на что она способна, а потом она отчитается о своем хозяйствовании, когда вновь возрождающаяся Венгрия естественно станет прежней независимой Венгрией.” — *Mocsáry, Lajos: A régi magyar nemes*. Вр., 1889. с. 20.

²³ В 1870 — 1880-ые годы этот процесс в полной мере обнаружился внутри Партии Независимости, руководителем которой был Л. Мочари, „Национальный радикализм” у многих ведущих деятелей партии переродился в шовинистическую позицию; именно радикалы 1848 года Йозеф Мадарас и Игнац Хельфи открыто выступили с отрицанием демократической позиции Мочари в национальном вопросе. См.: *Kemény, G. Gábor: Iratok Mocsáry Lajos karánsebesi mandátumának történetéhez. „Századok”* 1951, N 3—4.

²⁴ *Magyarország Története*. Вр., 1964. Т. II. Ссылаюсь на анализ Дьердя Сабада.

²⁵ *A magyar forradalmi munkásmozgalom története*. Вр., 1966. Т. I. с. 72.

²⁶ *Dolmányos, István: A magyar parlamenti ellenzék történetéről (1901 — 1904)*. Вр. 1963.

²⁷ Лайош Мочари в работе *A közművelődési egyletek és a nemzetiségi kérdés*. Вр., 1886. указывал на пагубные последствия насильственного распространения „венгерской культуры”. В работе „Néhány szó a nemzetiségi kérdéshöz”. Вр. 1886. (Несколько слов о национальном вопросе) писал о непропорциональном в отношении национальностей состава интеллигенции в учреждениях. В работе *A régi magyar nemesség*. Вр., 1889. (Венгерский дворянин) Мочари разоблачал австро-немецкие великодержавные стремления в централизации управления. В брошюре „Miként foglaljon állást a Függetlenségi és a 48-as Párt a köztünk és Ausztria közt fennforgó kérdések újabb tárgyalása alkalmával.” Вр., 1898. подчеркивал невозможность дальше скрывать политические, экономические, административные противоречия дуалистического государства и ратовал за создание партии, которая имела бы программу с учетом права национальностей на самоопределение, вплоть до выделения; и боролась бы за демократические свободы. Брошюра „A Függetlenségi Párt”. Вр., 1890. „разблачивает „дряблую” политическую линию партии, которая поднимая шум вскруг частных требований, незаметно отошла от своей программы.

²⁸ О причинах изоляции см.: *A Bunea: Aspecte din lupta politică a burgheziei române din Transilvania în anii 1887—1891*. *Mocsáry, Lajos*. — *Studia Universitatis Babeș — Bolyai* 1960. Ser. IV. Fasc. 1. Historia. 135—156 е. Из обострения общественных, политических и социальных противоречий дуалистического режима он пришел к выводу о полном и всестороннем кризисе всего режима. — *A közügyi rendszer zárszámadása*. Вр. 1902.

²⁹ „... Я чувствую себя слишком польщенным из-за вопроса *De ce tace*. Словно кроме *Corbu Alb* и всякое другое карикатурно. Я убедился на опыте, что то, что я стремился пропагандировать всю мою жизнь, живая идея, — которую даже „ультрашовинизм” не в состоянии задуть.

Причина моего теперешнего молчания проста. Ни издательство, ни редакции не хотят издавать то, что я пишу по национальному вопросу.

В моих взглядах на национальные дела нет даже малой толики изменений, нет их в том смысле, что этот вопрос для страны — вопрос жизни”. Письмо Л. Мочари к Аурелу Муресиану, редактору *Gazeta Transilvaniei, Parădfürdő*, 7. VII. 1905. Впервые опубликовано: *Binder, Pál*: „Korunk”, 1961, N 11, с. 1343.

³⁰ Опоздание буржуазного радикального крыла и социал-демократической партии в подготовке к революционным задачам в эпоху империализма подчеркивается почти во всей без исключения литературе предмета. Однако, до настоящего времени мало внимания уделялось высказыванию Мочари, которое вполне заслужило того, чтобы серьезно над ним задуматься:

„... Та система обмана, тот принцип свертывания шен законам, интриганство с комитатами, которое провело консорциум фейервари — Криштоффи — Лани просто омерзительно. Что уж и говорить о сумятице вокруг всеобщего избирательного права! Габсбургская династия и демократия! Это уже жалкий признак общей безвыходности положения. Какая жалкая полумера конкурировать и апеллировать к помощи социал-демократов и при этом и пальцем не тронуть церковных угодий и светских вотчин, что относится к сущности программы социал-демократов. Видимо, по сравнению с их мерой 1848 г. которая напоминала меры средневековья: двор и камарилья поняли, что в политике „*Einrücken*” применение грубой силы в наше время уже не пойдет: и как раз во-время подоспел урок, преподаанный Россией. Маленькие железные человечки доказали, что отсутствие действительности моральных пружин сопутствует абсолютизму и что эта огромная империя при господстве чумы коррупции не что иное, как колосс на глиняных ногах, что это явление эпохального значения: путем расслабления военной дисциплины была выбита почва из-под ног глиняного великана”. Судьба силы великих армий с грандиозной численностью та же, и Партии Независимости: она именно тогда отказывается действовать, когда достигает максимального предела”. (Курсив мой — З. Т.) *Mocsáry, Lajos*: *A Függetlenségi Párt*. Вр., 1906, с. 18—19.

³¹ Секфю Дюла: „о более любопытных проявлениях общественного мнения, так о... национальной политике Лайоша Мочари, я не мог распространиться более подробно”, — писал автор одной из наиболее ослепительных работ периода Хорти. — *Hóman, Bálint — Szekfű, Gyula*: *Magyar történet*. Вр., 1936, R. V. с. 648.

- ³² „Была ли в действительности возможность мирного договора с национальностями трудно судить. Мы знаем, что разрыв между венграми и национальностями был роковым, но никогда не узнаем, куда завела бы нас политика, намеченная Мочари”. (Курсив мой — З. Т.) *Graz, Giszta: A dualizmus kora. Magyarország története 1867–1918. Bp., 1934, r. I, c. 231.*
- ³³ Даже единственное доброжелательное и во многих отношениях и в настоящее время не потерявшее значения высказывание, обнаруживает противоречие между взглядами Мочари по национальному вопросу и его пониманием внешней политики. „... Это и привело Мочари к трагедии: капризные внешнеполитические стороны национального вопроса пришли в столкновение с его идеалами”. *Gogolák, Lajos: Mocsáry Lajos és a nemzetiségi kérdés. Bp. 1943. (Magyarországtudomány) N 3 — 4, c. 60.*
- ³⁴ Прогрессивные общественно-политические принципы уже отошедшего от дел, глубокого старика Мочари признавали даже буржуазные радикалы. — *Jász, Öskör: Mocsáry szózata. „Huszadik Század”. 1906, N II, c. 342.*
- ³⁵ В уже упоминаемой работе Гоголяки (см. ссылку 33) характеризует предубежденное мнение о Мочари цитатой из труда *Steyer, Lajos: A tót kérdés. Liptószentmiklós, 1912, c. 80.* „Сторонники словацких национальных стремлений, — звучит дальше упрек, — естественно уважали в Мочари идеал венгерского политика, поскольку он назвал „экспериментом ума” существовавшую в головах некоторых венгерских политиков стремление к сознательному обособлению некоторых национальностей, и хотел видеть в самих венграх превеличенную уступчивость, желал, чтобы венгры сблизились бы с национальностями. Его программа по национальному вопросу вырыла бы могилу государственному единству, если бы только дошло до ее осуществления.” „— Ссылаясь на время хортистского режима, Гоголяк продолжает: „... Этот суровый взгляд с тех пор является общепринятым взглядом на Мочари”. — *Gogolák op. cit., c. 12.*
- ³⁶ *Pamlényi, Ervin: Az ellenforradalmi korszak történetírásának nacionalista jellegéhez. Az Eötvös Lóránt Tudományegyetem Évkönyve 1966. Szerk. Balogh, S. és Székely, Gy. (О националистическом характере исторической науки в контрреволюционный период) Bp. 1966, c. 103.*
- ³⁷ Мочари осуждал „мысль с смерти нации”, свойственную Просвещению XVIII века и особенно романтике XIX века: „... Ученые и политики вообще, а в прошлом свеке особенно, много знаменитые писатели говорили об упадке, одряхлении и смерти государств. Они воспринимали государство как естественно-историческое мужество, которое рождается подобно растениям и животным; женщина, ребенок, тужчина *старец — достигает своего возраста и умирает.* Но это все же нечто акое, что можнo предположить относительно одного существа... Нельзя себе представить, чтобы вся нация устарела подобно отдельному человеку... — Возьмем к примеру учреждения. Они-то как раз и могут устареть, то есть не соответствують больше времени. Но где, скажите, есть нация, которая раньше или позже не заметит этого старения и не заменит их, если только нет никаких препятствий? В этом смысле, следовательно, нельзя утверждать что нация стареет, движется к смерти”. — *Mocsáry Lajos: A magyar társasélet. Pest, 1855, c. 3–4.*
- ³⁸ Они дали современную и не утратившую своего значения характеристику теоретической слабости венгерского прогрессивного лагеря и венгерской коммунистической интеллигенции. Я имею в виду труды Дюла Каллаи, Аладар Моод, Эрик Мольнар, и Южеф Реван.
- ³⁹ *Arató, Endre: A nemzetiségi kérdés története Magyarországon 1790–1840. T. I–II. Bp., 1930.*
- ⁴⁰ „... Возьмем к примеру сербов, самую значительную и ведущую нацию на Балканах. Сербь точно так же любят „шзабз”, как мы „немцев”: боясь их, все равно в образе австрийца или немца, совсем так же, как и мы. Они ревниво следят за тем, что те проникли уже в Боснию, не заблуждаются они и на счет неутолимости великодержавных немецких стремлений „die Kultur nach Osten tragen” ... Эти общие чувства и общая ревность разве не являются естественной основой более тесных международных связей?” — *Mocsáry, Lajos: Válság. Vezényszópolitika. Nemzetiségi kérdés. Eger 1905, c. 23.*

- ⁴¹ „... Все славянство в целом и отдельные славянские народы охватило общее движение, которое в наш век все народы ведет к прогрессу. Продолжительный мир, последовавший после французской революции, поразительное развитие средств сообщения, сочетаясь с огромным развитием культуры у тех народов, которые и раньше были ее очагом, не могли остаться без влияния на те народы, которые до тех пор оставались позади”. — *Mocsáry, Lajos: Nemzetiség. Pest, 1858, с. 96.*
- ⁴² „Невероятно, чтобы в случае распада османской империи все южные славяне слились бы в единый организм, наоборот, более вероятно то, что те, которые и теперь располагают определенной самостоятельностью, как Сербия, Черногория, и в дальнейшем будут стремиться к ней, и возможно образуется какая-либо славянская федерация, членом которой может быть станет и Хорватия.” — *Mocsáry, Lajos: Program a nemzetiség és a nemzetiségek tárgyában. Pest, 1860, с. 100.*
- ⁴³ „Неверное освещение дали тамошнему движению за автономию те, кто представляли их как исключительно национальные стремления, как столкновение, борьбу не на жизнь, а на смерть между славянами и немцами. То, что эти движения имеют отпечаток национальных движений, это естественно, поскольку славяне требуют независимости для Чехии, славяне требуют самостоятельности Галиции, Истрии, румынской Буковине и т. п. ... и самостоятельность, которой они требуют, нужна лишь для гарантии их национальностей. Нам ничего не известно о том, что эти национальные элементы вместо централизованной немецкой части империи по ту сторону Лайты (немецкая Cislaitánia) хотели бы создать славянскую централизованную область по эту сторону Лайты (славянская Cislaitánia); напротив, их нападки направлены непосредственно против централизации, они нападали на перегибы, немецкое преимущество во власти как на самое основное средство политической централизации и сдерживающий элемент.” — *Mocsáry, Lajos: Az osztrák krízis. „Ellenőr”, 5. IV. 1870, N 77.*
- ⁴⁴ „Мочари развивал свое смелое учение как раз в то время, когда русская империя стояла у ворот Константинополя и когда... вступление русских подготовило демократизацию балканских славянских народов и их высвобождение от турецкого феодализма. Русское влияние и демократический дух народно-демократическое направление всего славянского движения, с огромной силой повлияли на славян Австро-Венгерской монархии”. — *Gogolák. Op. cit., с. 81.* (это замечание было сделано в 1943 году!)
- ⁴⁵ „не забудем, что теория единого венгерского государства в 1848 г. на службе революционной защиты родины была верной и справедливой теорией, но требование территориальной интеграции в настоящий момент — это программа венгерской реакции, находящегося в союзе с фашизмом венгерского империализма. Не забудем, что именно те венгры великой Европы, в которых и после 1867. г. не потух огонь, который питала борьба за свободу народных масс, юности и освободительной армии, отвернулись от шовинистической фальшивки 1848 года. Лайош Мочари и Дюла Юст, которые непоколебимо стояли до конца жизни за независимую Венгрию, провозглашали мирный союз венгерского и славянских народов”, — писал Йозеф Реваи в 1938 г. накануне раздела Чехословакии. *Révai, József: Marxizmus népiesség magyarság. Bp., 1948, с. 212.*